

Оба они сходятся у ротонды сева­сто­поль­ско­го Приморского буль­ва­ра, перед за­ка­том, когда всё так не­ожиданно меняет краски: море из зер­каль­но-го­лу­бо­го пере­хо­дит в резко-синее, с под­чёрк­ну­тым под верх­ней сре­зан­ной по­ло­вин­кой сол­нца го­ри­зон­том; сол­нце из ослепи­тель­но-оран­же­во­го пре­вра­ща­ется в огром­ный по­лу­круг, нестер­пимо крас­но­го цвета; а спо­кой­ное го­лу­бое не­бо, весь день томно дро­жав­шее от ласк пыл­ко­го зно­я, к кон­цу дня тоже вспыхивает и за­го­ра­ется яр­ким пред­ве­чер­ним румян­цем,—одним сло­вом, когда вся при­ро­да перед от­хо­дом ко сну с не­ожидан­ной энер­гией вспыхивает но­вы­ми крас­ка­ми и хо­чет по­ра­зить пыш­но­стью, тогда сходятся они у ротонды, са­да­ются они на ска­ме­еч­ку под на­ви­ши­ми вет­вя­ми ма­сли­ны и на­чи­на­ют го­во­рить...

У од­но­го кра­сивый стар­че­ский про­филь чрез­вы­чай­но пра­виль­но­го ри­сун­ка, ма­лень­кая бе­лая, очень чи­стень­кая бо­род­ка и чёр­ные, ещё жи­вые, гла­за. Он пе­тер­бур­жец, бы­вший сенатор, на всех тор­же­ствах по­яв­ля­ется в ши­том зо­ло­том мун­ди­ре и бе­лых пан­та­ло­нах; был бо­гат, ще­др, со свя­зя­ми. Те­перь на ар­тил­ле­рий­ском скла­де под­ён­но раз­гру­жа­ет и сор­ти­ру­ет сна­ря­ды. Дру­гой—ма­лень­кий ры­жий стар­ичок, с бес­цвет­ным пе­тер­бур­гским

ли­чи­ком и мед­литель­ны­ми дви­же­ния­ми че­ло­ве­ка, при­вык­ше­го по­ве­ле­вать. Он был ди­рек­то­ром огром­но­го ме­тал­лур­гиче­ско­го за­во­да, счита­в­ше­гося пер­вым на Вы­борг­ской сто­ро­не. Те­перь он—при­каз­чик ко­ми­с­сион­но­го ма­га­зи­на и в по­след­нее вре­мя при­об­рёл да­же не­ко­то­рую опы­т­ность в оцен­ке по­но­шен­ных да­м­ских ка­по­тов и плю­ше­вых де­т­ских ме­д­ве­дей, при­но­си­мых на ко­ми­с­сию.

Сой­дясь и усе­вши­сь друг про­тив дру­га, они дол­го мол­чат, буд­то рас­ка­чи­ваясь; да и в са­мом де­ле рас­ка­чи­ва­ют го­ло­ва­ми, как два бе­лых ме­д­ве­дя во вре­мя жа­ры в ба­с­сей­не Зо­о­ло­гиче­ско­го са­да.

На­ко­нец, пер­вым рас­ка­чи­ва­ется сенатор: —Рез­кие крас­ки,—го­во­рит он, ука­зы­вая на го­ри­зон­т.—Не­хо­ро­шо.

—А­ля­по­ва­то,—у­ко­ри­з­нен­но со­гла­ша­ется при­каз­чик ко­ми­с­сион­но­го ма­га­зи­на.—Все крас­ки на па­лит­ре не сме­шаны, все крас­ки гру­бо под­чёрк­нуты. А по­м­ни­те на­ши пе­тер­бур­гские за­ка­ты...

—Ну!!

—Не­бо—ро­зо­вое с пе­пель­ным, вода—ку­сок ро­зо­во­го зер­ка­ла, все де­ре­вья—тём­ные си­лу­э­ты, как вы­ре­зан­ные. Тём­ный ри­сун­ок Ка­зан­ско­го со­бо­ра на жем­чу­ж­ном фо­не...

—И не го­во­ри­те! Не го­во­ри­те!